

Именем П. И. Чайковского

**Гран-при
ПРИВЕТСТВУЮТ:**

**ИКО КУБО —
ЯПОНСКАЯ СКРИПЧАКА,
лауреат Конкурса
имени П. И. Чайковского
1962 года**

Когда я звонила по телефону, все выглядели как нахлынущие проще: «Как находит мой дом? Очень легко. Я тоже живу в Сибири» (район японской столицы), — сказала Ико Кубо. Она же с шифером проплутали добрые полчаса, чтобы найти в сложном переплетении узеньких японских улицок нужный адрес.

Ико Кубо скромно соглашается отвечать на наши вопросы.

— Вспоминайте ли вы Москву, своих соревнователей по Конкурсу Чайковского 1962 года?

— Конечно, вспоминаю. Подобные события, особенно для такой молодой аудитории, как я, не проходят бесследно. Ведь мне тогда только что исполнилось восемнадцать. Очень бы хотелось показаться вновь с новыми талантами соперниками по конкурсу. Правда, с Борисом Гутниковым мы позднее встречались и здесь, в Японии, когда он приезжал. Такое общение много дает нам, музыкан-

там. После звучных встреч скрипка звучит по-новому, свеже, — смеется Ико.

— Конкурс имени Чайковского нынешнего года настолько будет таким же успешным, как и предыдущие, — продолжает скрипачка. — Ведь его организаторы всегда стараются создать наилучшие условия для участников. От всего сердца желаю большого успеха этому подлинному празднику музыки.

Мы спрашиваем Ико Кубо, что она думает о советско-японских культурных отношениях.

— Меня радует, — говорит Ико, — что в последние годы все больше японских артистов, музыкантов, писателей и других деятелей культуры пересекают японские границы. Но я не могу еще называть наше текущее состояние культурного обмена между нашими странами достаточным. Нужно расширять его. И здесь я думаю, многое будет зависеть от молодых талантов наших стран.

Над чем в работе сейчас? Готовлюсь к поездке в Швейцарию, где хочу углубить свои знания о творчестве Бетховена, Брамса. Много занимаюсь, разумеется, японским Чайковским, с музыкой которого у меня связано так много. Мечтаю о новых встречах со своими советскими коллегами, когда поеду осенью через Советский Союз. Г. ГАВРИЛЕНКО, корр. ТАСС

ТОКИО. (По телефону).

Фантастика по поводу... СНОВА ХЕППЕНИНГ

МЕЛКИЕ забавы пресыщенных профессионалов, чей псевдоэстетический, ребяческий характер заставляет вспомнить о несмышленых младенцах, брызгающихся слюной, но которому они колотят ложкой! — так рецензент газеты «Монд» пишет только что состоявшийся в Париже третий фестиваль свободного выражения, о котором одна из зрительниц сказала что это зрелище напоминает ей баю, в то время как Otto Хан из французского еженедельника «Экспресс» назвал его слизкой.

Речь идет о преступном хеппенинге (от английского слова то-харрел — случиться, происходить), или театре свободного выражения, о котором наша газета впервые поведала читателям два года назад, вскоре после первого фестиваля этого «искусства». Задорилио это, по мнению одних, честь лет назад, в Японии, откуда перекочевало в США. Латинскую Америку и в Европу; другие говорят об одновременной эспланаде в разных концах земли этой очередной эстетической разновидности азиатского гигиена. У нее нашлось немало сторонников, один из которых, художник и поэт Жан-Жак Лебель, известный хеппенинг (как-то неволю называть словом «гримессы» организаторов артистов, о которых пойдет, рассказ ниже), попытался подвести под нее даже теоретическую базу, выпустив недавно книжку, так и озаглавленную — «Хеппенинг». Скажем сразу, что Лебель не единок. С ним согрешили и вышеупомянутый критик «Экспресса»: «В своей основе — это школа влагалища, которая пытаются внести новую в понимание будничного; и американский композитор Джон Кейбл, который, находит его в многогранном механическом повторении одного и того же явлений жеста, что любви открывает сознанию новые, неожиданные перспективы. Как видите, Otto Хан был прав, когда заметил, что хеппенинг и его толкования существуют столько же, сколько самих хеппениров.

В своих теоретических изысканиях сторонники свободного выражения, разумеется, цитируют прежде всего обзавестись идеальными представлениями, в таких же взаимозависимых и заинтесованных, как на самих несподвластных им аспектах, о которых говорят в концепции «хеппенинга», или теории «хеппенинга», или практике, который в ходе спектаклей сошел с сцены в зрительный зал, вращая над головой отнюдь не бутафорским топором, что явилось понятием окончания среди Аленом Жуффруа, соратником Лебеля в теоретизировании по вопросам хеппенинга. В том же номере «Экспресса» он уличает конкурента в том, что у него «противоречия есть, и многое не делают, причем зачастую задает и практическую деятельность Лебеля — организатора третьего фестиваля. Сторонники «хеппенинга» тяготеют самым созидающим образом, смешивают, оказывается, свой «хоттальный спектакль» с «цирком и его штапками»: свобода там оказывается сведенной к свободному выражению глупости», — иронизирует Жуффруа.

В противовес Лебелю и в качестве положительного примера Жуффруа называет другого участника третьего фестиваля — Беня, тоже и теоретика, и практика, который в ходе спектаклей сошел с сцены в зрительный зал, вращая над головой отнюдь не бутафорским топором, что явилось понятием окончания среди Аленом Жуффруа и его сподвижников, соратников, а также членов их коллектива, и супружеской пары, разыгравшей вратную сценку, в которую вложили многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе участвовали в антифашистской борьбе. Когда я с ним познакомился, Джерри снялся одни из самых наиболее удивительных фильмов «Дорога наследия». Это был фильм об эмигрантах — горькая, суровая, честная история, которую я с большим интересом смотрел, разбирая многословие других, отвечая на кратко, только фактами.

И в кино он всегда говорит с ложью и облажкой, такую склонность не теряет.

Мы вместе уча